

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

**ЭСТЕТИКА
И КРИТИКА**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

**ЭСТЕТИКА
И КРИТИКА**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва 2012

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-04-16034

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилякова, Ф. З. Канунова, В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 12. Эстетика и критика / Ред. А. С. Янушкевич, О. Б. Лебедева. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 544 с.

ISBN 978-5-9551-0518-5

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В состав 12 тома вошли критико-эстетические работы Жуковского, как опубликованные при жизни поэта статьи в журналах и альманахах 1810—1820-х гг., так и обнаруженные в архиве выписки из европейских эстетических трактатов XVIII в. и конспекты по истории европейской и русской литературы и критики.

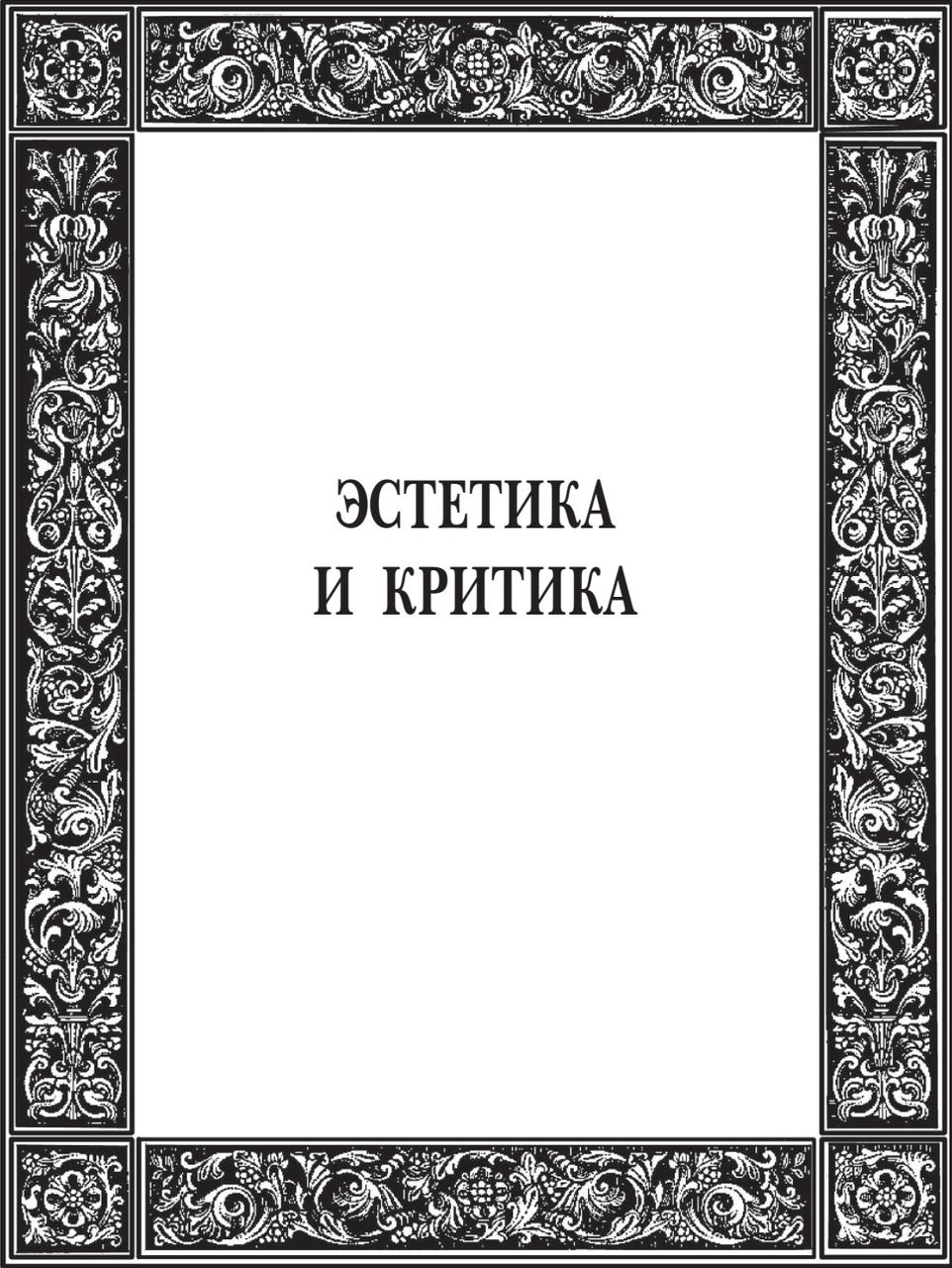
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

*На фронтисписе:
В. А. Жуковский. С гравюры Т. Райта (1835)*

ISBN 978-5-9551-0518-5

© А. С. Янушкевич, О. Б. Лебедева. Редакция тома 12, 2012
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2012

ЭСТЕТИКА
И КРИТИКА

СТАТЬИ И КОНСПЕКТЫ 1803—1811 ГОДОВ

О «ПУТЕШЕСТВИИ В МАЛОРОССИЮ»

Вышла новая книга: *Путешествие в Малороссию*, изданное К.⟨нязем⟩ П. Шаликовым. Я читал ее с примечанием, с удовольствием, и желаю сообщить мысли, которые при чтении родились в голове моей, тому, кто захочет узнать их.

При самом начале путешествия открывается цель автора. *Changeons de lieu pour nous défaire du temps**¹, говорит он, и едет не с тем, чтобы описывать города и провинции, но с тем, чтобы уехать от времени, и если можно, увести читателя с собою.

Не будем же искать в этой книге ни географических, ни топографических описаний... Автор думал об одном удовольствии читателя. Из отрывков его (сия книга составлена из отрывков²) мы не узнаем, сколь многолюден такой-то город, могут ли ходить барки по такой-то реке и чем больше торгуют в такой-то провинции — мы будем бродить вместе с ним на крутой берег шумящего Днепра, последуем глазами за бурным течением реки, вздохнем близ могилы его друга, освещенной лучами заходящего солнца, и вместе с ним вспомним о прошедшем, которое невозвратно, которое быстро сокрылось и, может быть, унесло наше счастье.

Кого не трогает чувствительность? Кто не предавался меланхолии?³ Кто не мечтал в тишине уединения о своей участи, не строил воздушных замков, не бросал унылого взора на минувшее время юности? *Молодой* человек с пламенной душою хотел бы, кажется, всю натуру прижать к своему сердцу. Всюду летают за ним мечты, сии метеоры юного воображения. Взор его стремится в будущее; надежды, желания волнуют его сердце; он вопрошает судьбу; хочет узнать, что готовится ему за таинственным покровом, которым закрыта она от взоров любопытных; сам за нее отвечает себе, играет призраками, и счастлив. Но как скоротечна сия пылкая, живая молодость! Увядают чувства, и бедный человек, лишенный магической силы, которая прежде создала вокруг него

* Изменим место, чтобы уехать от времени (*фр.*).

волшебный мир, напрасно унылым взором ищет прелестей в пышной, великолепной натуре: вокруг него — развалины! Гроб и смерть остались для него в будущем, воспоминания — в прошедшем, воспоминания прелестные и вместе печальные...⁴

Ce peu d'instans, hélas! et si chers et si courts,
Ces fleurs dans un desert, ces temps où le ramène
Le regret du bonheur et même de la peine!^{* 5}

Ах! кому не дороги сии минуты слишком быстрые, сии цветы увядшие? И что бы осталось нам в этом мире, когда б, заранее положив в гроб свое сердце, мы не могли... Но я, кажется, хотел говорить о путешествии господина Шаликова! Возвратимся к нему.

Всякий скажет со мною: приятно путешествовать! Единообразная, сидячая жизнь наскучит; душа наша любит перемены; одни и те же предметы действуют на нее час от часу слабее, наконец перестают действовать, и она засыпает; всегда новые предметы, беспрестанно ее возбуждая, не дают ей прийти в расслабление, питают ее силу. Правда, мы можем и не выходя из горницы быть деятельны и всегда находить новые занятия для ума, души и сердца; не спорю — но если путешествие доставляет нам новое, приятнейшее средство занимать свою душу, то мы не должны презирать его и можем им воспользоваться.

Путешественник с образованною душою, с чувствительным сердцем никогда не узнает скуки. Сцены природы, которая, как будто напоказ, выставляет перед ним свои богатства; сцены городов шумных, в которых тонкий, наблюдательный взор его будет следовать за человеком по лестнице гражданских состояний, от степени работника до степени законодателя, — вот предметы, которыми займется душа его. Иногда, наскучив пестротою городских обществ, сойдет он с блестящего многолюдного театра, удалится в мирное село, в хижину земледельца, и опытом поверит слова сердца своего, что *счастье живет в объятиях природы, в простоте и невинности нравов*. Скопив сокровище новых, разнообразных идей и чувств, возвратится к своим пенатам, поставит свой посох в угол своей хижины и, смотря на него, будет веселиться воспоминаниями. Он будет счастлив или по крайней мере достоин счастья. Кто украсил свою душу цветами мудрости, тот имеет право не бояться рока или ожидать его благодеяний...

* Эти немногие мгновения, увы! столь милые и столь краткие, // Эти цветы в пустыне, эти мгновения, к которым его возвращает // Тоска по счастью и даже по несчастью (фр.).

Но я опять забыл свой предмет, и думаю, что наскучил читателю, если, разумеется, имею читателя. Терпение!

Я читал, повторяю, *Путешествие* г. Шаликова с удовольствием и взял перо не с тем, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что я... читал его. Человек, не слишком строгий, не станет бранить меня за то, что отнимаю у него две или три минуты, которые, может быть, и без меня были бы потеряны для его удовольствия. Советую всякому любителю русских книг познакомиться с нашим путешественником и заметить особенно главы: *Могила друга, Яков садовник, Физиономия, Последний взгляд на Днепр, Монастырь, Летний вечер в Малороссии*; ручаюсь, что они многим полюбятся; а между тем могу и выписать одну из них — например... *Летний вечер в Малороссии*.

«Ежели в течение дня сердце ваше было грустно, печально, то, вышед при захождении солнцем в поле, вы пьете в здешнем вечернем воздухе спасительные струи Леты — забвения всего, кроме счастья. Какая тишина, какой мир льется в душу! Какое благоухание, какая прохлада освежает чувства! Сладкий *восторг объемлет* сердце ваше; цветущие фантазии окружают воображение — вы счастливы, и признаетесь в счастье своем! Нет! на унылом вашем Севере таких летних вечеров, как здесь, не бывает! Там бесконечный день истощит все силы, и минутный вечер не успеет предложить вам своих приятностей; здесь — посреди лета — в семь часов уже вечер — уже время прохлады, свежести и счастья.

Один с моими мечтами и с моим сердцем иду в поле или рощу наслаждаться вечернею природою. Заботы и прискорбия дня исчезают мгновенно в животворных объятиях ее, — подобно как в объятиях страстной любовницы или нежного друга; душа моя освобождается от всех тяжелых уз рока — и я благословляю участь свою.

Смотря на прекрасный разноцветный запад — на солнце, которое, в виде алого яхонтового шара, с величественным спокойствием опускается ниже, ниже, думаю о том времени, когда смотрел я на сие великолепное зрелище природы из окон Д... или Т...; множество сладких воспоминаний мне представляется; с благодарным чувством говорю *прости* миловидному солнцу; оглядываюсь кругом; ищу новых прелестей, и вижу в противоположности его другой, ему подобный шар — бледную луну, которая — по мере того как опускается и тускнеет затмевающее ее светило, — возвышается и получает сияние... Так счастье одного смертного зиждется на бедствии другого! так меркнет один и уступает блеск другому!

Люди, вот образ судьбы вашей!». А мы примолвим: читатели, вот пример слога нашего путешественника. Иной, прочитав эту статью, скажет самому себе: *поеду в Малороссию; там такие прекрасные вечера! Ах!*

если б скорее пришло лето! Но я скажу ему на ухо: не ездь в Малороссию для одних летних прекрасных вечеров; они и здесь, в Москве, прекрасны. Выйдешь на пространное Девичье Поле^б; там, где возвышаются гордые стены Девичьего монастыря, сядешь на высоком берегу светлого пруда, в котором, как в чистом зеркале, изображаются и зубчатые монастырские стены с их башнями, и золотые главы церквей, озаренные заходящим солнцем, и ясное небо, на котором носятся блестящие облака; сядешь, и с тихим, спокойным чувством будешь смотреть, как солнце, приближаясь к горизонту, начнет бледнеть, мало-помалу терять свой ослепляющий блеск и, обратясь в багряный, пламенный шар, бросит последний, умирающий взор на тихую реку, на отдаленный лес, на монастырские стены, на золотые главы церквей, и потухнет. А ты, мой любезный читатель, между тем будешь сидеть задумавшись, мечтать, прислушиваться к тихому гласу вечера, к журчанию вод, к дыханию ветра, который будет колебать тростник, растущий на берегу пруда, и струить зеркальную воду; пленишься вечером и... забудешь о Малороссии!

(АРИСТОТЕЛЕВА ПИИТИКА)

§ 1. Происхождение поэзии: склонность к подражанию. Предмет, изображенный подражанием, нам нравится. Не все однако может быть предметом подражания. Надобно выбирать и украшать. Подражание природе приятно потому, что мы все любим учиться и что изображение есть легчайший способ получить об чем-нибудь понятие. Удовольствия воображения также могут быть источником сей приятности, которую мы находим в подражании.

§ 2. Второй источник поэзии есть наша натуральная склонность к ритму и пению, к размеру, кадансу. Первые стихи были петы. Ритм есть определенное протяжение, отвечающее симметрически другому подобному пространству или протяжению. В поэзии ритм есть известное соединение слогов и слов, отвечающих другому такому же соединению; в музыке соединение звуков, в танцах соединение движений. Ритм натурален человеку; это натуральное расположение сделало то, что начали размерять слова, — что произвело поэзию, — звуки, — что произвело музыку. Сперва делали опыты без приготовления, так сказать случайные; после сии опыты произвели постоянные правила.

§ 3. Поэзия прежде разделялась только на два рода — на героическую, посвященную славе богов и героев, и на сатирическую, осмеивавшую пороки, изображавшую людей развратных. Потом эпопея произвела трагедию, сатира — комедию натуральным переходом от про-

стого рассказа к действию. Из греческой поэзии в некоторых родах мы совсем образцов не имеем, напр. (имер) в дифирамбах, номах, сатирах и мимах. Мимы были, как говорят, слишком вольные стихотворения, номы — священные, торжественные песни; дифирамб воспевал Бахуса, потом, по аналогии, посвящен славе знаменитых героев. Архилох и Гиппонакс писали сатиры на лица.

§ 4. Эпопея, по словам Аристотеля, есть подражание изящному словами; она разнится от трагедии тем, что повествует просто, когда трагедия все представляет в действии. Сверх того занимает большее пространство. У древних, по словам Аристотеля, эпопея могла быть писана стихами и прозою по произволению поэта. У нас она должна быть непременно в стихах; мы не отделяем поэзию от стихов.

§ 5. Комедия сначала не привлекала такого внимания, как трагедия. Архонты после уже сделали из нее народное увеселение. Эпихарм и Формис сицилианцы первые соединили действие с сатирою. Она прежде писалась на лицо, но это было запрещено правительством, и Кратес, который первый ввел ее в Афины, первый также употребил имена подложные и действия выдуманные.

§ 6. У древних театральные представления были торжеством народным. Один из архонтов имел особенное управление над зрелищами. Он покупал пьесы у авторов и заставлял их играть на счет правительства. Два следствия можно из сего вывести: первое то, что искусство драматическое от сего не дошло до такого совершенства, как у нас, второе то, что это самое заведение отвратило *пресыщение* (*satiété*) и отдалило испорченность искусства.

§ 7. Комедия, говорит Аристотель, есть изображение худого подражанием, — худого не во всем его смысле, но только смешного и приводящего в стыд. Отвратительное же противно комедии.

§ 8. Трагедия есть подражание действию важному, целому, имеющему подлежащее протяжение, — посредством слова, которого украшения составляют одну из главнейших принадлежностей сего подражания, которое, приводя в жалость и ужас, должно в нас исправлять сии страсти (очищать, умерять, изменять), т. е. делать их приятными посредством подражания, то есть чтобы мы, сожалея о том, что бы в натуре произвело в нас чувство тягостное и неприятное, не чувствовали сей неприятности и вместо того наслаждались.

§ 9. Трагедия есть подражание действию: *важному*, следственно не терпит никакой примеси смешного или странного, которое, не прибавляя ничего к ее действию, ослабляет его силу; *целому*, имеющему начало, средину и конец; *надлежаще протяжному*, то есть ни слишком малому, ни слишком обширному, а соразмерному уму нашему, — такому, чтобы

все случаи, все происшествия, одно из одного выливаясь без замешательства, наконец оканчивались переменою счастья в несчастье или несчастья в счастье. Чрезмерность протяжения противна всем правилам и натуре. То не может быть для нас интересно, чего мы не можем объять своим умом. Мы способны только к известному *граду* внимания, удовольствия, занятия, учения. Далее наши силы отказываются служить, и очарование поэтов должно исчезнуть.

§ 10. Украшениями слова у нас почитаются стихи и декламация; древние сверх того имели мелопею, или декламацию музыкальную, хоральное пение и ритмические движения хоров.

§ 11. Итак, по словам Аристотеля, шесть главных вещей заключаются в трагедии: басня или действие; характеры или нравы; слог; мысли; зрелище и пение (у нас декламация).

§ 12. Действие, или басня, всего важнее в трагедии. Без нее она не будет иметь никакого впечатления на зрителя, между тем как не будучи написана хорошим слогом, даже без изображения разительных характеров, она может сильно действовать своею баснею. У греков реже встречались в трагедиях хорошие содержания, нежели у нас, потому что они были ограничены малым числом происшествий, в которых выбирали свои сюжеты; они искали их всегда в своей истории в некоторых только фамилиях; у новых народов, напротив, во всяком краю мира можно найти содержание для трагедии.

§ 13. В действии должно быть сохранено единство — не героя, а происшествия. Мы представляем не целую жизнь героя, а только один случай из его жизни. Части в сем целом должны быть так тесно соединены между собою, чтобы их не можно было отделить одну от другой, не разрушивши целого.

§ 14. Цель поэта не есть изображение истинного так, как оно случилось, но так, как оно могло или должно было случиться. Он должен представлять возможное правдоподобным образом.

〈НА ЧТО ДЕЛАТЬ ПРИМЕЧАНИЯ К ЭШЕНБУРГОВОЙ ТЕОРИИ〉

О поэзии вообще. Сущность и цель поэзии¹

1. Поэзия есть искусство изображать посредством слова все то, что наше воображение находит привлекательнейшего в природе физической и моральной: предметы, мысли, чувства, действия; искусство изображать сходно, живо, сильно и приятно; искусство наполнять читателя

или слушателя или зрителя теми самыми чувствами — радостными, унылыми, восхитительными, возвышенными — которые нас самих наполняют².

2. Действовать на воображение, говорить чувствами есть цель поэзии. Она употребляет язык необыкновенный, или лучше сказать, сама составляет свой собственный язык, отличный от простого, данного природою человеку, смелый, выразительный, сладостный, имеющий особенную гармонию, особенный каданс или размер, соединяющий приятность музыки с важностью простого, натурального голоса³.

3. Поэзия объемлет все предметы, которые могут приятно действовать на чувства и воображение и быть представлены живо необыкновенным языком ее, — предметы физические, неотвлеченные (подлежащие телесным чувствам), которые воображает она сходно, верно, в лучшем, *украшенном* виде; предметы моральные, отвлеченные, которым дает некоторый видимый образ, которые делает, так сказать, ощутительными для чувств наших. *Обманывать* душу, то есть наполнять ее живым воображением предмета, какой бы он ни был, физической или моральной, так чтобы он ей казался присутственным в ту минуту, когда она им занимается, есть намерение поэзии. Она возбуждает чувства и воображение, дает жизнь вещам неодушевленным, образ существам мысленным, тело самым идеям.

NB. Но сего не довольно. Поэзия должна увеселять и животворить фантазию, занимать и возвеличивать ум, трогать, смягчать и делать благороднее сердце. Вот главный и возвышенный предмет ее⁴.

4. Сильные впечатления, производимые в душе каким-нибудь предметом, и желание сообщить сии впечатления другим, возбуждают поэта стихотворством. Минута, в которую он наполнен своими чувствами, в которую предмет его, с необыкновенною живостию и ясностию ему представляющийся, движет, волнует его воображение, в которую он ощущает сильное, непобедимое желание излить на бумагу свои идеи, быстро в голове его скользящие, — есть минута поэтического вдохновения. Оно необходимо для живого, привлекательного изображения: *невдохновенный* поэт, то есть не восхитившийся тем предметом, которым других восхитить намерен, будет холоден и сух в своих произведениях и, следственно, не воспламенит своего читателя. Живость, сила, разнообразие, смелость, новость выражений приличны поэту; иногда предмет, сам по себе малозначащий, но украшенный и возвышенный стихотворческою фантазией, получает приятность, делается привлекательным⁵.

5. *Стихотворный язык* должен отвечать предмету, избираемому стихотворцем, который кладет на него печать своих мыслей, чувств

и самого характера. Картины, смелые обороты, метафоры, все сие зависит от живости мыслей, от деятельности его воображения, от той пылкой, животворной чувствительности, которая представляет ему предметы с лучшей, привлекательнейшей стороны их, или научает его украшать самые непривлекательные и производящие неприятное впечатление⁶.

6. Предметы стихотворения разнообразны, следовательно, и представлены должны быть разным образом. Отсюда проистекают сии различные формы поэтического воображения, которые стихотворец выбирает вместе с своим предметом, например, он следует правилам живописной поэзии, когда описывает в стихах вещи, наружный их образ, качества, описывает так, как они представляются его воображению; *басни* или *повести*, когда представляет исторически какой-нибудь случай, какое-нибудь действие, справедливое или выдуманное; *драмы*, когда сам подражает какому-нибудь действию посредством разговора или видимого представления; *дидактической поэмы*, когда изображает в стихах какую-нибудь моральную истину или предписывает правила науки, искусства; *оды*, *гимны*, когда предается своему восторгу и, вдохновенный гением, свободно выражает сильные чувства, его наполняющие.

Поэт. Поэт должен быть одарен от природы сильным творческим воображением, ясным умом и тонким вкусом. Сии способности не приобретаются, но они могут быть образованы учением, деятельностью, трудами. Природа совершенствуется искусством... Поэт имеет нужду в совершенном знании языка своего и правил своего искусства⁷.

Что такое лирическая поэзия. Лирическая поэзия есть выражение пылких чувств, или, лучше сказать, страстных чувств, объемлющих душу поэта, сильно действующих на его воображение, которое быстрым и смелым своим ходом определяет и самый ход его мыслей. Лирические стихи отличаются особенною полнотою и гармонией, размером, приличным для пения и музыки и симметрическим разделением на строфы, которые обыкновенно должны быть одинаковой обширности и формы и иметь одинаковое стопосложение⁸.

Ее разделение. От многочисленных и разнообразных чувств, которые могут наполнять душу поэта и производить в ней лирическое вдохновение, проистекают и различные роды лирической поэзии; сие различие определяется или самым характером чувств, или степенью их силы, или качеством их предмета, или, наконец, самым образом их выражения. Вообще лирическую поэзию можно разделить на два класса: на собственно так называемую *оду* и на *песню*; к первой принадлежат предметы возвышеннейшие, чувства сильнейшие, большее парение мыслей и бóльшая смелость выражения; последняя, напротив, изображает

кроткие, тихие, нежные чувства, занимается предметами не столь возвышенными и вообще имеет тон легкий, умеренный.

NB. Роды лирической поэзии, Сульцер, Мармонтель, Батте.

Ода. Ода собственно так называемая опять может быть разделена на несколько классов: к ней принадлежат *гимны*, или пламенные песни в честь Божества и его творения; *героические оды*, имеющие предметом великие действия человек, славные достопамятные происшествя; *философические оды*, обыкновенно производимые сильным ощущением каких-нибудь великих истин, живо действующих на стихотворную фантазию и легко преобращающихся в чувства. Источник сего последнего класса оды бывает также троякий и заключается или в чрезмерной ясности и силе мыслей, возбуждаемых рассматриванием какой-нибудь истины, или в необычайной деятельной живости воображения, или в отменной растроганности и страстном волнении сердца.

Вдохновение, лирическая смелость, лирический беспорядок. В лирике предполагается сильнейшее вдохновение, то есть живость или жар в высочайшей степени. Сие вдохновение должно наполнить его душу в ту самую минуту, когда она исключительно занята своим предметом и когда стремится выразить чувства, сим предметом в ней возбужденные. Оно есть источник великих, возвышенных, необыкновенно живых образов, картин и чувств, сообщаемых самим стихам и называемых *лирическою смелостию* или *парением*. Самая сия сила страсти и сие исключительное стремление души к ней одной лишают поэта возможности сохранить методический порядок в течении своих мыслей, картин и выражений; от сего происходит так называемый *лирический беспорядок*, который можно скорее почесть видимым, нежели действительным, ибо, несмотря на живость фантазии стихотворческой, последствие и цепь мыслей должны быть сохранены в совершенной целости и непрерывности⁹.

Единство и разнообразие лирическое. Во всяком лирическом произведении должно быть сохранено *единство предмета* и, следовательно, единство главного чувства. Все отдельные части и стороны предмета, все посторонние ощущения, имеющие некоторое сродство с главным, суть многочисленные источники *лирической разнообразности*, ибо в душе поэта вместе с натуральным раскрытием сильного чувства, ее наполняющего, раскрываются беспрестанно и новые образы, и новые представления. Деятельная сила фантазии влечет ее ко всему имеющему согласие с ее состоянием в ту минуту; она производит сии переходы от одного чувства к другому, сии быстрые изменения, которые только тогда могут быть допускаемы, только тогда натуральны, когда самый предмет остается неизменным, а единственно рассматриваемый со многих сторон, — действует различно на стихотворца¹⁰.